

"Только в творчестве есть радость -- все остальное прах и суета"

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Он прожил 83 года. Большая жизнь. А сделано, быть может, на целых три. Известный на всю страну юрист. Выдающийся ученый-правовед. Литератор, отмеченный премией, присуждавшейся знаменитым писателям России. И званиями-регалиями не обделен: чин второго класса, "ваше высокопревосходительство"; шитый золотом красный мундир сенатора положен; "самим" Столыпиным зван министром юстиции -- отказался.

Дух захватывает, как высоко взлетел! Увидел бы отец -- скромный драматург, публицист, неистовый поклонник Мельпомены. Мама бы увидела -- невеликая актриса провинциальных и столичных подмоствок... Семейей так и не обзавелся, потомства не оставил славный человек Анатолий Федорович Кони: всего себя отдавал делу... Нет, не службе -- *служению* народу своему, стране своей.

От министерского портфеля отказался, а грянул в 17-м Октябрь -- без колебаний, без боли и обид словно отстранил за ненужностью и "класс" чиновный и класс дворянский, к коим принадлежал по выслуге, и, хромой, немощный, взял свои "костыльки" и пошел читать лекции о Толстом и Некрасове, об этике общежития, о задачах и обязанностях подлинного демократа, "слуги, а не лакея правосудия" красноармейцам и матросам Петрограда, учащейся и рабочей молодежи, которая валом валила на его выступления, учителям или фельдшерам заезжим, в жизни не видевшим столицы, не слышавшим его -- "живую историю" родины.

Происхождения Кони, по-видимому, был "иноземного". Из Австро-Венгрии или Германии дальние предки приехали служить в Россию да тут и осели. Анатолий Федорович числил себя русским и православным, верующим был, впрочем, отнюдь не истовым, без ханжества церковного.

"С молодых ногтей" в жизни Анатолия, увидевшего свет 29 января (4 февраля) 1844 года в столице, устроилось так, чтобы вырос ребенок нравственно чистым, высокообразованным, интеллектуальным. У Федора Алексеевича и Ирины Семеновны (урожденной Юрьевой, по сцене Сандуновой) было два сына, росли в одинаковых условиях. Но вот старший, Евгений, очень способный гуманист, мягкий до слабодушия, безвольный, худо распорядился своей судьбою: растратил казенные деньги, за что попал под суд, умер, так и не смыв позора уголовно наказуемого деяния.

Анатолий с характером был мальчик. Добр, покладист, дружески настроен к сверстникам, однако тверд и самостоятелен, обижать себя, тем более третировать не позволял никому.

Отец, истово последовательный кантианец, воспитывал сыновей по наставлениям любимого, высокочтимого философа, самого следовавшего собственным правилам: личность должна пройти четыре ступени совершенства -- в дисциплине, труде, поведении, нравственности. Для Анатолия Федоровича всю его жизнь "по Канту" не существовало дистанции между живым словом и претворением его в такое же действенное дело: этим он разнился от брата, воспринявшего одну лишь схоластически понятую и принятую теорию, горячо внедряемую в сыновей отцом неразлучно с практикой.

Если в отце билось для Анатолия "единственное, глубоко и бескорыстно привязанное сердце, которому не раз приходилось страдать от моих, быть может, и справедливых, но больных для него рассуждений" {Высоцкий С. Кони.-- М., 1988. С. 184.}, напишет брату тотчас после смерти отца, то в "бесценной маменьке" находил сын бесконечную доброту и привязанность, сердце артистическое и художественное. В 26 лет, еще до ухода на сцену, она издала сборник рассказов, обнаруживших в их авторе нерядовой писательский талант, сотрудничала в периодических изданиях, где печатались ее повести о жизни и быте простых людей -- обитателей России и Малороссии (она была родом с Полтавщины). Талантливо проявила себя Ирина Сандунова также на сценических подмостках столиц и провинции -- главным образом в амплуа комических девиц, дам, а позднее и старух.

На Анатолия родители, особенно отец, оказали громадное воспитательное влияние -- и словами, и делами. Кони никогда не забудет характерный эпизод из детства: "Жил у нас лакей Фока... Человек огромного роста. Он меня любил чрезвычайно... Не могу припомнить по какому случаю мне показалось, что он меня обидел, и я, в пылу гнева, назвал его дураком. Это услышал отец из своего кабинета и, войдя, больно наказал меня, и позвав затем Фоку, приказал мне стать перед ним на колени и просить прощения. Когда я это исполнил, Фока не выдержал, тоже упал передо мною на колени, мы оба обнялись